

«СОВОПРОСНИК ВЕКА СЕГО»

Эти слова, сказанные о М. Волошине, принадлежат его современнику Ф. Сологубу.

Выдающийся поэт и переводчик, блестящий литературный и художественный критик, тонкий художник, мастер эпистолярного жанра — всё это творческие ипостаси одного человека, Максимилиана Александровича Кириенко-Волошина (1877–1932).

Родился он в Киеве в семье юриста Александра Максимовича Кириенко-Волошина, который вскоре умер. Воспитывала будущего поэта мать Елена Оттобальдовна. Детство прошло в Москве, где он учился сначала в частной, а потом в казенной гимназиях. Впоследствии Волошин вспоминал: «Мои школьные годы — глубокое недоразумение всей моей жизни. Очень любознательный, способный, одаренный острой памятью мальчик учился из рук вон плохо и приводил в отчаяние всех педагогов». В 1893 г. Елена Оттобальдовна решила переехать с сыном в Крым, в Коктебель, где приобрела участок земли и вскоре построила дом. Успехи Макса в пятом классе были таковы, что директор феодосийской гимназии, куда его перевели из московской, заявил матери: «Мы, конечно, примем вашего сына, сударыня,

но предупреждаю, что идиотов мы не исправляем». И еще одна запись о гимназическом периоде: «Это самые темные и стесненные годы жизни, исполненные тоски и бессильного протеста против неудобоваримых и ненужных знаний».

Однако в Феодосии он встретил настоящего друга на многие годы — Александра Матвеевича Пешковского (1878–1933); подружился с преподавательницей женского училища Александрой Михайловной Петровой (1871–1921), которая стала верной спутницей во всех его духовных исканиях. Она чутко улавливала его творческие достижения: в ее отзывах он находил понимание, которого напрасно ждал от матери. А. М. Петрова была всесторонне образованным человеком: «жила исключительно естественно-научными изданиями павленковского типа и астрономическими фантазиями Фламариона», любила музыку (особенно часто играла произведения Бетховена, Баха), увлекалась искусством и литературой, занималась прикладным искусством (делала копии татарских народных вышивок, которые коллекционировала), живописью. Если московская гимназия и в самом деле дала мало положительных импульсов к развитию поэтического дарования Волошина, то в феодосийской гимназии юный поэт получил признание не только среди соучеников, но и среди преподавателей. Юрий Андреевич Галабутский (1863–1923), учитель русского языка, поддержал главное увлечение юноши — его поэтические опыты. «Мои стихи и моя начитанность произвели в педагогической среде такое впечатление,

что ко мне стали педагоги относиться как к „будущему Пушкину“, — вспоминал он позднее. Его первое стихотворение «Над могилой В. К. Виноградова», посвященное умершему директору Феодосийской гимназии, было опубликовано в сборнике памяти последнего¹.

После окончания феодосийской гимназии Волошин поступил в 1897 г. на юридический факультет Московского университета. Выбор учебного заведения не был самостоятельным: Елена Оттобальдовна, женщина строгая и властная, настоятельно советовала пойти по стопам отца. Университет произвел на недавнего гимназиста «унылое и мрачное впечатление: полутемные, мрачные, холодные коридоры с каменными полами, в которых гулко отдается каждый шаг, скучная пустая канцелярия» (письмо к А. М. Петровой от 26 августа 1897 г.). Унылое впечатление произвело и знакомство со студентами. Волошин с горечью писал: «...я думал, что они все-таки будут лучше, чем то, что я здесь нашел. Они все ужасные гимназисты, и от них можно было бы потребовать большего развития и умственного, и нравственного». Однако «впечатление страшной пустоты и одиночества» продолжалось до приезда А. Пешковского. Вскоре Волошин познакомился со студентами Михаилом Свободным (в будущем переводчиком и драматургом), Львом Кобылинским (поэтом и переводчиком). Он с интересом прослушал курс римского права и увлекся политической экономией

¹ Памяти Василия Ксенофонтовича Виноградова / Сост. Ю. Г. [Ю. Галабутский]. Феодосия, 1895.

(лекции А. И. Чупрова и И. Х. Озерова), а затем стал охотно посещать «посторонние» лекции на естественном и историко-филологическом факультетах.

Юный Волошин много читал и часто посещал театры, следил за современной русской литературой, особенно за творчеством Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, разделял увлечение многих передовых людей произведениями Максима Горького. Его самобытность проявлялась в широте знаний, в его ранних творческих опытах. В начале 1898 г. он задумал написать поэму «XIX век». «Теперь работаю над большим оригинальным стихотворением. Тема очень необыкновенная, — писал он А. М. Петровой, — я хочу в стихах обрисовать XIX век как личность: его воспитание, обстоятельства жизни, характер». В Москве Волошин переводил стихотворения Г. Гейне и стихи из пьесы «Ганнеле» Г. Гауптмана.

Процесс самоопределения личности идет постепенно. Волошин вступает в «Общество попечительства о бедных», в котором было много студентов, и активно там работает; изучает материалы о народолюбцах. «Передо мной раскрылись течения и движения семидесятых годов, и раскрылись в таком свете и в таком виде, что я был поражен и подавлен... Какие громадные личности, какая железная сила воли, какая страстная любовь к родине... Мы, русские, совсем не знаем своего прошлого — наше наследство, наше достояние скрыто и отнято у нас». В конце января 1898 г. Волошин писал А. М. Петровой: «Московские студенты отправили несколько писем Золя, причем первое было отправлено по мо-

ей инициативе. Только поражаешься на то, что теперь делается во Франции. <...> Раньше я думал, что такие безобразия и такой культ генералов возможны только в России — оказывается, нет. Поразительно!» Он пишет стихотворение «Доля русского поэта», звучащее программой:

Эти песни прилетели
И родились средь степей,
В буйном ропоте метели,
Под зловеший звон цепей,
Под запорами острога,
В душной камере тюрьмы.
Боги! Боли слишком много —
Счастья здесь не сыщем мы.

Волошин узнает, что его оппозиционные взгляды замечены: он находится под негласным надзором полиции. Поначалу он относится к этому с иронией. Надзор, по его мнению, «сказывается только в том, что меня знают все университетские педеля да городской на нашем углу вытягивается передо мной во фронт и отдает честь». Но в феврале 1899 г. началась первая всероссийская студенческая забастовка. По донесению помощника инспектора, Кириенко-Волошин пытался «произвести волнение в актовом зале, где собирал вокруг себя кружок слушателей; то же он пытался делать и в аудитории своего курса». Это явилось достаточным основанием для того, чтобы уволить студента четвертого семестра юридического факультета из университета. Сам Волошин позднее уточнял, что в актовом зале «в тот день не агитировал... зато в библиотечной

сказал пять слов». Он был выслан со свидетельством о неблагонадежности по месту жительства, то есть в Феодосию. В начале сентября, воспользовавшись тем обстоятельством, что будет принят в университет только в январе будущего года, Волошин вместе с матерью отправляется в свое первое заграничное путешествие (Краков, Вена, Северная Италия, Швейцария, Париж, Берлин). В январе 1900 г. он вернулся в Москву, чтобы «окончательно выяснить свои отношения к университету». Весной сдал экзамены за второй курс юридического факультета.

За время пребывания за границей Волошин все определеннее осознает ненужность для него юридического образования. «Не перейти ли мне лучше на историко-филологический факультет? — пишет он Елене Оттобальдовне. — В сущности, все мои интересы направлены именно в эту сторону — истории, искусства и литературы, а никак не права». Оказалось, что кроме России, с ее скучной и неповоротливой полицейско-чиновничьей машиной, существует огромный интересный мир:

Эти высокие камни соборов,
Этот горячечный бред мостовых...
Хмель городов, динамит библиотек,
Книг и музеев отстоенный яд...

(«Четверть века»)

В конце мая 1900 г. Волошин с тремя спутниками выезжает из Москвы за границу. Австро-Венгрия, 10 пеший переход через Тирольские Альпы, вся Ита-

лия — от озера Комо на севере до южного порта Бриндизи, Афины, Константинополь... В его архиве сохранились две тетради записей под названием «Журнал путешествия, или Сколько стран можно увидеть за полтораста рублей».

По приезде в Крым он был неожиданно задержан жандармами. «За что и почему меня арестовали, — писал Волошин, — я не знал абсолютно и терялся в самых неправдоподобных догадках, что не мешало мне все-таки сиять радостью и весельем по поводу этого факта. Я тогда чувствовал себя ужасно гордым, особенно когда меня провезли под конвоем по улицам Феодосии... Я просидел день в Харьковской центральной тюрьме, а затем был посажен в Москве в Басманную часть, где и отсидел в одиночке две недели, удивляя охранников своим прекрасным расположением духа». Его выпустили через восемь дней, уведомив, что еще возможна далекая высылка. До окончательного решения дела Волошин был лишен права въезда в столицу и подчинен гласному надзору полиции на один год. Подписав обязательство сообщать о перемене своего адреса в московское охранное отделение, он выехал в Севастополь, откуда через несколько дней, не дожидаясь новых репрессий, отправился со знакомым инженером В. О. Вяземским в Азию на изыскания по строительству железной дороги Ташкент—Оренбург.

Вынужденная поездка в Азию на полгода дала Волошину возможность посмотреть на европейскую культуру «с престолов Памира». Здесь поэт переживает ощущение небывалого «равновесия», позво-

лившего ему осознать доступность освоения тысячелетней западноевропейской культуры. Он сделал выбор: «на много лет уйти на Запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы», чтобы затем сказать России свое слово о сокровищах европейского духа. «1900 год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения. Я провел его с караваном в пустыне. Здесь настигли меня Ницше и „Три разговора“ Вл. Соловьева. Они дали мне возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно — с высоты Азийских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей», — написал он в 1925 г. в «Автобиографии».

В стихотворении «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...» Волошин выразил свое жизненное кредо:

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять — и снова воплотить!

В декабре 1900 г. Волошин получил из Москвы известие о том, что его «дело» «оставлено без последствий», но в университет он в этом году принят не будет. Он решил уехать в Париж и начал в Ташкенте хлопотать о заграничном паспорте. Судя по письму к А. М. Петровой (12 февраля 1901 г.), он решил ехать во Францию «не для того, чтобы поступить на какой-то факультет, слушать того-то и то-то». «Это всё подробности, — продолжал Волошин, —

12 это всё между прочим — я еду, чтобы познать всю

европейскую культуру в ее первоисточнике и затем, отбросив всё „европейское“ и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям, „искать истины“ в Индию, в Китай. (...) Когда это будет сделано, тогда уж действительно нужно будет на сорок дней в пустыню, а после того в Россию, окончательно и навсегда. Вы боитесь, что я отрешусь от всего родного. Теперь пока это, может, и надо будет сделать, чтобы получить полный и абсолютный простор для мысли. А потом, когда наступит время, родное само хлынет в душу неизбежным, неотразимым потоком и тем сильнее хлынет. Вертится у меня одна фраза Щедрина: „Хорошо за границей, а в России лучше, лучше — потому что больше“»¹.

В Париже Волошин слушает лекции в Сорбонне и в Лувре, а также в нескольких высших учебных заведениях. Начинает заниматься рисованием в ателье художницы Кругликовой и в академии Коларосси. Знакомство с Е. С. Кругликовой и К. Д. Бальмонтом способствует вхождению нового парижанина в литературно-художественную среду.

Летом 1901 г. Волошин вместе с Е. С. Кругликовой и еще двумя художниками отправляется в путешествие по Андорре, на остров Майорку и в Испанию. «В конце июня я собираюсь в Пиренеи, в республику Андорру, — писал он А. М. Пешковскому, — которая меня окончательно покорила тем, что об ней решительно нигде и ничего не написано». Е. С. Круг-

¹ Цитата из «Убежища Монрепо» приведена не совсем точно.

ликова вспоминала: «В первое же лето Макс уговаривает нас совершить путешествие пешком в Испанию и посетить Балеарские острова (Майорку). Его необыкновенная энергия заставляет меня согласиться, несмотря на то что я вовсе не люблю ни гор, ни пешего хождения. Появляются географические карты, бедекеры, составляется маршрут. По системе Макса готовятся костюмы: какие-то необыкновенные кофты из непромокаемой материи, с множеством карманов для альбомов, красок, кистей и карандашей, рюкзаки, сапоги на гвоздях, велосипедные шаровары, береты...» Позже Волошин написал об этом путешествии две статьи: «Андорра» и «По глухим местам Испании. Вальдемоса».

Заграничные путешествия способствовали становлению Волошина как поэта. Стихотворения, написанные на основе его европейских впечатлений, отличаются от юношеских стихов строгостью формы и образностью. Париж сыграл в творчестве Волошина особую роль. «Париж — сознание ритма и формы», — писал он. Из Парижа он привезет в Россию стихотворения «В вагоне», «Кастаньеты», «Как мне близок и понятен...», «Осень... Осень... Весь Париж...», написанные там или навеянные этим городом. В «Автобиографии» (1925) Волошин перечислил, чему он смог научиться в «столице мира»: «чувству красок — у Парижа, логике — у готических соборов, средневековой латыни — у Гастона Париса, строю мысли — у Бергсона, скептицизму — у Анатоля Франса, прозе — у Флобера, стиху — у Готье и Эредиа».

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>В. П. Купченко, Р. П. Хрулева</i> «Совопросник века сего»	5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Доля русского поэта	29
В вагоне	31
Кастаньеты	34
Париж	
1. С Монмартра	36
2. Дождь	37
3. «Как мне близок и понятен...»	38
4. «Осень... Осень... Весь Париж...»	38
5. «Огненных линий аккорд...»	39
6. «Закат сиял улыбкой алой...»	40
7. «В серо-сиреневом вечере...»	40
8. «На старых каштанах сияют листья...»	41
9. «В молочных сумерках за сизой пеленой...»	42
10. «Парижа я люблю осенний, строгий плен...»	42
11. «Перепутал карты я пасьянса...»	43
«Я ждал страданья столько лет...»	44
«Спустилась ночь. Погасли краски...»	45
Портрет	46
Письмо	47
Старые письма	57
312 Таиах	58

«Если сердце горит и трепещет...»	60
«Мы заблудились в этом свете...»	61
Зеркало	62
«Мир закутан плотно...»	63
«Небо в тонких узорах...»	64
«Эта светлая аллея...»	65
«В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...»	66
Второе письмо	67
В мастерской	70
Вослед	72
«Как Млечный Путь, любовь твоя...»	73
In mezza di cammin	74
«Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»	75
Солнце	76
Киммерийские сумерки	
1. Полынь	77
2. «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...»	78
3. «Темны лики весны. Замутились влагой долины...»	78
4. «Старинным золотом и жёлчью напитал...»	79
5. «Здесь был священный лес. Божественный гонец...»	79
6. «Равнина вод колышется широко...»	80
7. «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...»	81
8. Mare Internum	81
9. Гроза	82
10. Полдень	83
11. Облака	83
12. Сехмет	84
13. «Сочилась жёлчь шафранного тумана...»	84
14. Одиссей в Киммерии	85
Осенью	87

«Возлюби просторы мгновенья...»	89
«Концом иглы на мягком воске...»	91
«К этим гулким морским берегам...»	92
Она	93
«Ступни горят. В пыли дорог душа...»	95
«В неверный час тебя я встретил...»	96
«Пурпурный лист на дне бассейна...»	97
«Моя земля хранит покой...»	98
«Яры, увалы, ширь полей...»	99
«Звучит в горах, весну встречая...»	100
«Облака клубятся в безднах зеленых...»	101
«Над синевой зубчатых щаш...»	102
«Ветер с неба ключья облак вытер...»	103
Карадаг	
1. «Преградой волнам и ветрам...»	104
2. «Над черно-золотым стеклом...»	105
«Как в раковине малой — Океана...»	106
«Выйди на кровлю... Склонись на четыре...»	108
«Фиалки волн и гиацинты пены...»	109
«Судьба замедлила сурово...»	110
«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»	111
«Себя покорно предавая сжечь...»	112
«Я, полуднем объятый...»	113
«Я верен темному завету...»	114
«К Вам душа так радостно влекома!...»	115
«Раскрыв ладонь, плечо склонила...»	117
«Обманите меня... но совсем, навсегда...»	118
«Отроком строгим бродил я...»	119
«Двойной соблазн — любви и любопытства...»	121
«То в виде девочки, то в образе старушки...»	122
«Замер дух — стыдливый и суровый...»	123
«Альбомы нынче стали редки...»	124
314 «Как некий юноша, в скитаньях без возврата...»	126

«Мой пыльный пурпур был в лоскутках...»	127
Lunaria. Венок сонетов	128
«Я быть устал среди людей...»	137
«Я к нагорьям держу свой путь...»	138
«В эту ночь я буду лампадой...»	139
«Любовь твоя жаждет так много...»	140
Под знаком Льва	141
Посев («В осенний день по стынувшим полянам...»)	142
В эти дни	143
Париж в январе 1915 г.	144
Парижу	146
Весна	147
Газеты	148
Россия («Враждующих скорбный гений...»)	149
«Акрополи в лучах вечерней славы...»	151
Подмастерье	152
Святая Русь	155
Мир	157
Трихины	158
Dmetrius-Imperator	159
Демоны глухонемые	163
Европа	164
Молитва о городе	167
Неопалимая Купина	170
Русская революция	172
Бегство	174
Заклятье о Русской земле	176
Китеж	179
Гражданская война	183
Красная Пасха	186
Террор	188
Бойня	190
Готовность	193

На дне преисподней	194
Путями Каина. Трагедия материальной культуры	
Мятеж	195
Огонь	198
Магия	201
Кулак	204
Меч	207
Порох	210
Пар	213
Машина	216
Бунтовщик	220
Война	225
Космос	230
Государство	238
Левиафан	243
Суд	246
Дом поэта	249
Владимирская Богоматерь	255
Комментарии. В. П. Купченко, Р. П. Хрулева	258

Волошин М.

В 68 «И мы, как боги, мы, как дети...» : стихотворения / Максимилиан Волошин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 320 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-22341-7

Максимилиан Волошин (1877–1932) — виднейший представитель культуры Серебряного века, человек, богато и многообразно одаренный: выдающийся поэт и переводчик, блестящий литературный и художественный критик, замечательный художник, гостеприимный хозяин дома в Коктебеле — это все о нем... В советское время произведения Волошина были преданы забвению, но совершенно не потеряли за эти годы ни свежести звучания, ни выразительности, ни актуальности.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-6-5

Литературно-художественное издание

МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН

«И МЫ, КАК БОГИ,
МЫ, КАК ДЕТИ...»

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.12.2022. Формат издания 70 × 102^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 13,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

A-PTR-31305-01-R